

Н. А. Чернышева дают слишком неполное представление о вещах. Интересна и статья Н. Н. Гур и н о й о могильнике на Оленьем острове Баренцова моря, устанавливающая ряд новых фактов по сравнению с материалами А. В. Шмидта.

Не удовлетворяет читателя статья В. В. Ф е д о р о в а о стоянке Плеханов бор на Оке. Прежде всего автору осталась неизвестной статья В. А. Тихомировой¹ о недавних раскопках на той стоянке, откуда он публикует старый, мало документированный материал. Описания вещей не всегда правильны. Так, типичный фигурный кремь автор называет топором (рис. 9, 6). Наконец, относительно культурной принадлежности стоянки у автора нет полной ясности; он связывает ее то с льяловской, то с волосовской культурой, тогда как правильнее сближать стоянку с балахнинской культурой.

Интереснее другая статья В. В. Ф е д о р о в а, где он сообщает о находке склада кремневых заготовок на Алексеевской стоянке на Верхней Волге. Автор, по-видимому, прав, когда говорит, что заготовки были зарыты неолитическим человеком для сохранения влажности кремня, делающей его более пригодным для изготовления орудий. Укажем на аналогичное скопление грубообколотых кремневых желваков, зарытое близ землянки 10 на трипольском поселении Поливанов яр на Днестре.

Закрывают сборник три статьи об отдельных категориях вещей (Н. А. Б е р е г о в о й — о гарпунах с Колымы и С. А. С е м е н о в а о каменных ретушерах и сверлах) и две заметки о четвертичной фауне (из Мурзак-кобы в Крыму и из Забайкалья).

Оценивая сборник в целом, мы можем сказать, что он содержит много ценных материалов, которые, несомненно, прочно войдут в научный обиход. Сборник показывает большие достижения советских археологов в изучении памятников палеолита и неолита, но, к сожалению, содержит мало теоретических статей. Этот том МИА представляет собой скорее материалы, чем исследования по археологии СССР. Большинство статей является публикационными заметками, да и большие статьи (А. П. Окладникова, П. П. Ефименко и П. И. Борисовского) почти не содержат исследовательских построений. Единственная статья на теоретическую тему — А. Н. Рогачева излишне кратка и не сообщает даже десятой доли тех наблюдений, которые сделаны за последнее время автором.

Коллектив сектора палеолита ИИМК, подготовивший сборник, несомненно ошибся, когда решил не выносить в печать те большие теоретические споры, которые развертываются в нем по вопросам периодизации палеолита, изучения его локальных особенностей и т. д.

А. А. Формозов

АКАДЕМИК ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВ, Проблемы минойского языка, София, 1953, 193 стр.

Уже в течение более десяти лет известный болгарский лингвист академик Владимир Георгиев занимается вопросами дешифровки древнейших письмен, найденных на острове Крите и на материке Греции и известных под названием минойских. В течение этого времени он опубликовал ряд работ, посвященных этому вопросу. Разбираемая книга и подводит итог всем этим трудам.

Вступительная глава, озаглавленная «Принципиальные вопросы», посвящена полемике с научными противниками. В той же главе говорится об основных исходных положениях при дешифровке письма (стр. 14 слл.). Автор отправляется от слов, написанных знаками, сходными со знаками кипрского силлабария, и от слов со значением, известным благодаря находящимся рядом с ними идеограммам, исходя из предпосылки, что упоминаемые здесь личные имена людей — греческие

¹ «Историко-археологический сборник Института музейной и краеведческой работы 1948 г.».

и что имена и эпитеты богов также греческие. Далее он говорит (стр. 16) о главных трудностях при расшифровке (недостаточное знакомство с языком и религией «минойцев», многозначность слогового письма).

Вторая глава посвящена толкованию наиболее употребительных имен — прежде всего имен богов, с указанием, сколько раз они встречаются в надписях. Так, например, имя *takóna* встречается 28 раз; но, отождествив или сблизив знаки *ta* с *tá, tà, θε, tü* и *ti; ko* с *kó, ku, kó* и *qi; ná* с *ne* и *na*¹, получим, что это имя встречается 71 раз (нельзя, однако, не отметить, что при этом, например, слова (1, В 90, 20), (В 51, 35, 20) и (51, В 37, В 40)², написанные совершенно различными знаками, оказываются одинаково звучащими и однозначными комплексами звуков). Автор отождествляет это слово *takóna* с именем греческого божества Χθών. Второе по частоте место (13—45 раз) занимает имя божества, которое Георгиев читает как *Warüna* и в котором он видит имя Урана. 35 раз в надписях встречается слово *téko* и 33 раза *téva*; за этими словами всегда следует цифра, а рядом с ними стоит идеограмма «женщина», также сопровождающаяся цифрой. Отсюда автор приходит к выводу, что *téko* = *tékos* «мальчик», а *téva* = «дева, девочка». Подвигаясь дальше вперед таким же образом, автор приходит к выводу (стр. 42), что в критских надписях встречаются имена следующих богов: *Takon* = Χθών, *Warun(a)* = Οὐρανός, *Patena* = Πόντια, *Apurutasi* = Ἀφροδίτη, *Pulan(a)* = Ἀπόλλων, *Turana* = Τύρανος, *Potitun* = *Positun* = Ποσειδών, *Titan* = Τιτάν, *themí* = Θέμις, *Atana* = Ἀθήνη, *Pake* = Βακχεός, *Papee* = Παρία (к сходному результату он приходит и относительно пилосских надписей), и заключает: «Следовательно, все более известные греческие божества достаточно хорошо представлены в критско-минойских надписях. Этот факт является доказательством правильности нашей дешифровки» (стр. 42) и даже... «доказательством того, что минойский язык уже окончательно расшифрован» (стр. 44). Ниже мы остановимся на вопросе, насколько это утверждение правомерно.

Третья глава озаглавлена: «Содержание обыкновенных надписей». Автор указывает, что по содержанию и структуре обыкновенные минойские надписи имеют такой формуляр: 1) имя посвятителю в имен. пад. (лицо, город, жители города); 2) имя божества, которому совершается посвящение, с эпитетом или без него, в дат. пад.; 3) название посвящаемого предмета или предметов, обычно в виде идеограммы, сопровождаемой цифрой. Рассматриваются главным образом безглагольные конструкции; для конструкции с глагольным сказуемым на стр. 67 даются только два образца: *takóna taté táka vá(na)*, что переводится: *χθωνί τῶνδε (ἔ)θηκα ἱ(ναξ)* (Элевсин), и *sisi vána méloke*, перевод: *τῶνδε ἱναξ μέλωκε* (с пояснением: *faciendam curavit*).

Четвертая глава посвящена большой пилосской надписи *Cn 14*, где в конце каждой строки изображены идеограммы барана или овцы и цифра; это список посвящений божествам.

В пятой главе автор излагает грамматику минойского языка — фонетику, морфологию и словообразование. В разделе «Фонетика» излагаются общие характерные черты фонетической структуры языка, вокализм и консонантизм. В разделе «Морфология» трактуются склонение имен, местоимений, спряжение глаголов; кроме уже приведенных форм перфекта *taka* и *méloke*, приводятся еще три причастные формы: *tétatá* = *διδωντι* формы *partic. mediopassivi* с окончанием *-mana* = греч. *μένων* и форма прич. наст. вр. ж. р. с окончанием *-asa*. Не упомянута почему-то приводимая автором выше (стр. 79—80) форма *part. praes. activi akusa* (в дат. пад.

¹ Ударения и другие знаки над буквами (напр., *ü*) служат Георгиеву только для того, чтобы различать знаки разного вида, имеющие одну и ту же фонетическую значимость, и никакого фонетического значения не имеют.

² Номера знаков письма по Мугес (см. табл. I). Для краткости вместо АВ 1, АВ 7 и т. д. пишу просто 1, 7; обозначения вроде А 40, В 12 и т. д. оставляю без изменения.

ед. ч. *akusape*, см. стр. 79—80), соответствующая, по мнению автора, классической форме $\acute{\alpha}\chi\upsilon\sigma\alpha$ ($\acute{\alpha}\chi\upsilon\sigma\eta\tau\iota$ = $\chi\upsilon\sigma\eta\tau\iota$) или $\acute{\alpha}\gamma\chi\upsilon\sigma\alpha$. Таким образом, все восстанавливаемые автором причастные формы точно соответствуют греческим. После нескольких замечаний о наречиях и союзах автор переходит к словообразованию, подробно останавливаясь на словообразующих суффиксах; из них особенно интересны суффиксы *-l-* и *-val-* (ср. греч. $-\eta\nu\text{-}\acute{\omicron}\varsigma$), которые уже до Георгиева были постулированы как догреческие суффиксы.

Шестая глава «Примечания к минойскому силлабарю» представляет собой дополнения и исправления к толкованию фонетической значимости минойских знаков, данному автором в журнале ВЯ, 1950, № 6, стр. 48 слл. Вот почему нам неизбежно придется в нашем разборе книги Георгиева постоянно касаться и этой его статьи.

Седьмая глава озаглавлена: «Минойская культура в свете дешифрованных надписей», но эта глава дает мало материала по критско-микенской культуре. Как заявляет автор (стр. 119), целью его работы является обоснование его дешифровки, а поэтому здесь сделаны только некоторые беглые выводы о минойской культуре. Здесь кратко характеризуется система минойского письма (содержащиеся здесь же замечания автора не о структуре письма, а о фонетической структуре самого языка, как мы увидим ниже, недостаточно обоснованы). Далее перечисляются встречающиеся в надписях нарицательные существительные, прилагательные, местоимения, уже известные нам немногочисленные глагольные формы, союзы, личные имена, географические названия. Затем даны образцы характерных посвячительных надписей, перечислены важнейшие упоминаемые в надписях божества с их эпитетами, и наконец, перечислены разные виды приношений.

В приложении дана характеристика надписей и системы кипрского слогового письма, изложены принципы дешифровки автора. Автор основывается прежде всего на сходстве знаков со знаками кипрского силлабаря, затем на сходстве с финикийскими, греческими и этрусскими буквами, с иероглифическим «хеттским» письмом, на комбинаторных соображениях (т. е. на установлении фонетической однозначности некоторых различных по виду знаков), на «логографии» (так называет автор совпадение значимости знака со словом, означающим изображаемый им предмет), на акрофонии и т. д. Далее в приложении дана таблица фонетической значимости всех минойских знаков, перечень всех встречающихся знаков и система их группировки и обозначений у различных авторов.

К книге приложено краткое резюме на французском языке, библиография и алфавитные указатели встречающихся слов как минойского языка, так и греческого, латинского и ряда других языков, а также грамматические указатели и указатель приводимых надписей.

Таково содержание книги. Перейдем теперь к ее анализу.

Кажется само собой подразумевающимся, что, если не верны предпосылки, положенные в основание того или иного рассуждения, то не может быть верным и вывод. Из этого, казалось бы, очевидного положения следует: если положенные каким-либо автором в основу своей работы принципы дешифровки неверны, то неверна и самая дешифровка. Однако это не так: может случиться, что принципы, положенные в основу автором дешифровки, явились лишь рабочей гипотезой, по существу оставленной автором в процессе более углубленной работы, чего он даже сам не замечает.

В таком положении, как нам кажется, оказался и автор разбираемой нами работы. Уже Б. Грозный пытался восстановить фонетическое значение критских знаков письма на основании их сходства, кроме кипрского силлабаря, со знаками любой из систем письма древности: с египетской, протоиндийской, хеттской иероглифической, хеттской клинописной, вавилонской, финикийской... Мной уже отмечалось¹, что этот прием не учитывал в частности того, что заимствуемому знаку письма сплошь и рядом придавалось новое звуковое значение. Акад. Георгиев², в свое время резко осудивший

¹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 49.

² ВДИ, 1950, № 4, стр. 49.

принцип дешифровки Б. Грозного, сейчас по существу применяет тот же метод. Вся разница лишь в том, что акад. Георгиев отказывается от параллелей из египетского, вавилонского и протоиндийского языков, привлекая вместо этого греческий алфавит, так как он считает, что греческий алфавит имеет источником не финикийское, а непосредственно минойское письмо. Это несомненно шаг назад по сравнению с Б. Грозным. Заимствование греками их алфавита у финикийян — факт совершенно несомненный, подтверждаемый и формой букв древнейшего греческого алфавита и порядком букв в алфавите (устанавливаемым порядком стихов в акростихических частях Библии), и названиями их, и античной традицией¹. На этом беспорном во-

ТАБЛИЦА II

Α	Β	Γ	Δ	Ε	Ζ	Θ	Ι
1	2	3	4	5	6	7	8
Δ	Ε	Ζ	Η	Θ	Ι	Κ	Λ
9	10	11	12	13	14	15	16

просе вряд ли стоит останавливаться подробнее в рецензии². Достоинно глубокого сожаления, что такой талантливый ученый, как акад. Георгиев, невольно оказался в данном случае на поводу у исследователей, руководившихся соображениями, не имеющими ничего общего с наукой³, тем более, что никакого

¹ В ВЯ, 1952, 6, стр. 80, акад. Георгиев дает сводку античных свидетельств, якобы подтверждающих его утверждение о происхождении греческого алфавита из минойского письма. Но не буду уже говорить об одностороннем подборе свидетельств: древние свидетельства Геродота (V, 58; ср. Та с., App., XI, 14) и теоской надписи начала V в. (№ 23 Tod) опущены, а привлечены исключительно поздние, мало достоверные источники — Диодор и Фотий (IX в. н. э): даже в приведенных самим Георгиевым свидетельствах как раз ни слова не сказано о том, что хочет доказать автор, — о заимствовании греческого алфавита из минойского письма. У Диодора, V, 74, 1, говорится только о том, что финикийяне, у которых греки заимствовали письмо, не выдумали сами своего письма, а заимствовали его у других, изменив очертания букв (вопрос, откуда взяли свой алфавит финикийяне, — совершенно другой и нас в данном случае не интересует). Точно так же и Фотий ничего не говорит о минойском происхождении греческих букв, а только объясняет происхождение названия *φοινικια*. Поражает также примечание, сделанное редакцией ВЯ, стр. 80, где дана еще одна ссылка — на Diod., III, 67, 1, с явно неверным переводом. При правильном переводе это место звучит так: «Следуя общему употреблению (*κοινῆ*) буквы называются „финикийцей“, так как они перенесены к грекам из [земли] финикийян, а у отдельных исследователей (*ἰδίᾳ*) они носят еще название пеласгийских, так как этими перенесенными начертаниями (*τοῖς μεταθετοῖσι χαρακτῆρσι*) первыми воспользовались пеласги». Итак, здесь говорится, что буквами раньше пользовались финикийяне, у них заимствовали пеласги, у пеласгов — греки. В «перевод» же редакции ВЯ читаем, что «пеласги раньше пользовались ими», т. е. раньше финикийян.

² См., например, J. Schmidt, *Alphabet*, RE, т. I; W. Larfeld, *Griechische Epigraphik* (Handb. der klass. Altertumswiss. hrsg. von Iw. Müller, I, 5), 143; Lenmann-Haupt, *Zur Herkunft des Alphabets*, ZDMG, 73, 1919, стр. 67; R. Dussaud, *Les inscriptions phéniciennes*, «Syria», 5, 1924, стр. 148; D. Diringer, *L'alfabeto nella storia della civiltà*, Firenze, 1937, стр. 351; «Происхождение алфавита», изд-во «Время», 1923.

³ См. Helbig, *Question mycénienne*, 1896, стр. 1; V. Bérard, *Les phéniciens et l'Odyssee*, I, изд. 2-е, 1934, стр. 21; см. критику этих теорий С. Я. Лурье, *Очерки по истории античной науки*, М., 1947, стр. 352, прим. 21.

значения для дешифровки Георгиева, как мы покажем ниже, этот вопрос не имеет.

При помощи греческого алфавита Георгиев объясняет только три знака минойского алфавита (см. табл. II, знаки 1, 2 и 3=AB 11, 52, 36), сопоставляя их с греческими *A, B, O* и придавая им звуковое значение *a, ba, o*. Но если бы акад. Георгиев учел данные истории греческого алфавита, то он убедился бы, что в древнейшее время *A* изображалась у греков еще совершенно так же, как у финикийян, — в лежачем положении: (см. табл. II, знак 4) (дипилонская надпись VII в.). Точно так же на Фере, Мелосе, Крите и в Коринфе еще сохранились

древнейшие начертания β — **𐀀𐀁𐀂𐀃**, близкие к финикийскому (см. знак 5).

A и *B* — позднейшие начертания, вызванные общеизвестным стремлением греков к симметрии, — привлекать их поэтому нет никакого основания.

Отметим еще, что знаки 6 и 7 служили финикийцам не для передачи звуков *a* и *o*, а для передачи слабого и очень густого гортанных звуков ² и ^с и назывались 'alef (а не alef!) и 'oin (а не oin), равно как и знак 8 означал не *e*, а *h*, называясь *het*. Так как в языке ионийских греков не было придыханий, то для них эти названия звучали как *alef, oin, et*, и, следуя акрофоническому принципу, они использовали эти знаки для звуков *a, o, ä*. Если исходить из (неверного, по моему мнению) принципа акад. Георгиева, что финикийцы не только заимствовали свои знаки из минойского языка, но еще и сохранили их звуковое значение, то следовало бы знакам (11) и (36) придать значение слабого (?) и густого (с) гортанных звуков, а не *a* и *o*. Впрочем, знак (36) в минойских текстах встречается крайне редко, и в этом случае эта дешифровка практического значения не имеет; что же касается знаков (11) и (52), то их звуковое значение, помимо греческого алфавита, обосновано у Георгиева рядом других соображений, которые, как рабочая гипотеза, заслуживают внимания.

Точно так же ни в какой связи с дешифровкой автора, в сущности, не стоит его ошибочное утверждение (стр. 14), будто «догреческий язык принадлежит к группе эгейско-малоазиатских индоевропейских языков, к которым причисляются иероглифический „хеттский“, лувийский, клинописный хеттский, палайский, ликийский, лидийский. . . , карийский . . . этрусский . . .». Если предположить, что дешифровка Георгиева правильна, то нетрудно убедиться, что реконструированный Георгиевым язык может собой представлять только один из диалектов греческого языка.

Впрочем, повидимому, и сам автор теперь уже чувствует, что его утверждение о принадлежности догреческого языка к указанной выше группе пока не обосновано. Он замечает (стр. 15): «Вопрос о языковой принадлежности критско-минойского населения будет предметом другого исследования» — и, в противоположность своему же утверждению, заявляет: «. . . Можно допустить, что микенские надписи написаны на старинном греческом диалекте, содержащем весьма значительный догреческий субстрат. . . можно даже предположить, что и кносские надписи XV в. написаны на том же старинном греческом (критском) диалекте» (там же).

Нет ничего невозможного в том, что знаки «минойского» письма, откуда бы они ни были заимствованы, акрофонически обозначали первый слог соответствующих слов: скажем знак (11) — первый слог *a*-слова $\alpha\lambda\acute{\epsilon}\Phi\alpha$, знак (52) — первый слог слова $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$ или слова $\beta\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\varsigma$. Ничего невероятного не было бы и в том, что в некоторых случаях финикийцы могли заимствовать слоговые знаки минойского письма, преобразовав их в буквенные и постаравшись найти семитические слова и понятия, изображения которых можно было бы видеть в данных минойских знаках и которые начинались бы с такого же звука, например, в изображении трона (52), который символически изображал царя ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$), они могли увидеть изображение дома, который у них назывался *bet*. Но такое сов-

падение возможно только в единичных случаях; в остальных финикийцам пришлось бы или придать минойским знакам новое звуковое значение (и тогда финикийский алфавит теряет всякое значение для дешифровки минойских знаков), или изобрести новые знаки.

Из финикийского алфавита акад. Георгиев объясняет, кроме указанных, еще пять знаков, не имеющих аналогий в кипрском силлабарии: (23) ϑε , (5) (sa) , 45 (ta) , (35) (ku) , (51) (ta) . Знак (35) и помимо сходства с финикийской буквой, при предпосылке Георгиева, может быть объяснен акрофонически из κϑη , κϑβη , κϑη (ср. «кубок, кумпол»; *testa*, «череп, черепушка» и т. д. для обозначения головы, см. ВЯ, 1952, № 6, стр. 70). Сходство знака (51) с финикийским (см. знак 9) более чем сомнительное: Грозный видел здесь изображение ноги (см. знак 10; —египетское b), а другие ученые — упрощенное изображение лебеда¹. Значение остальных из указанных знаков также остается висеть в воздухе; если на стр. 57 своей статьи в «Вопросах языкознания» Георгиев заявляет будто ϑῆσα по-гречески означало «колесо», во мн. ч. «воз, колесница» — то это его утверждение не подтверждается никакими свидетельствами; слово ϑῆσα имело в греч. яз. только один смысл: «поденщица». Не убеждает меня и предположение, что знак (45) означал σῆμα , что это слово якобы первоначально звучало τῆμα и т. д.

Однако, как мы уже указывали, неправильность ряда предпосылок акад. Георгиева еще не предопределяет неверности самой его дешифровки. Дело в том, что фактически, как видно из собственных замечаний автора, греческие и финикийские буквы не сыграли существенной роли. И в статье и в монографии он считает главным достоинством своей дешифровки то, что при значениях, которые он придает знакам минойского письма, «можно читать разнообразные минойские слова». Из его замечаний можно заключить, что процесс дешифровки проходил так: чтение ряда знаков минойского письма установлено с большим вероятием из кипрского силлабария; содержание подавляющего большинства минойских надписей сводится к формуле: «такой-то такому-то богу таких-то вещей столько-то». Автор не без основания предположил, что упоминаемые боги в основном боги позднейшего греческого пантеона + малоазийские божества; оставалось подставлять имена этих божеств в их гипотетической древнейшей форме. Божеств этих не так много, значение непонятных знаков восстанавливалось акрофонически, исходя из предполагаемого смысла стилизованного изображения и из того, что надписи сделаны на языке, близком к ахейскому диалекту греческого языка. Эти принципы и приемы заслуживают самого серьезного внимания. Интересен также прием, при помощи которого акад. Георгиев пытается установить, что знак (11) изображает гласный звук (ВЯ, ук. статья, стр. 73). Как известно, в кипрском силлабарии гласные внутри слова особыми знаками не обозначаются, так как входят в качестве второго звукового компонента в слоговые знаки. Так же, надо думать, обстояло дело и в «минойском» письме. Между тем весьма употребительный знак (11) «за совсем редкими исключениями встречается только в начале слов». Значит, это гласный звук. Предположение, что это именно a , конечно, более проблематично, тем более, что вопрос о качестве гласных в книге акад. Георгиева очень неясен (почти все гласные в минойском языке по его реконструкции переходят друг в друга).

Неудача ряда попыток истолковать минойское письмо на основании его сходства с другими системами письма побудила двух английских ученых — Вентриса и Чадвика (JHS, 1953, т. LXXIII, стр. 86) — даже вовсе отказаться от сопоставления знаков минойского письма со знаками других систем и основываться только на соображениях внутреннего порядка (internal evidence). Учтя, что минойские надписи представляют собой инвентари, счета и расписки, что в них обычно речь идет о приношениях богам (которые должны быть в основном тождественны с более поздними греческими) и что на них должны читаться имена лиц, от которых поступают приношения, их профессия, их

¹ Например, В o s s e r t, OLZ, 1931, стр. 303 слл.; см. мою статью, ВДИ, 1947, № 4, стр. 72.

место жительства и названия приносимых предметов, эти ученые действовали экспериментально, подставляя самые различные значения для знаков, пока не получили такие значения, благодаря которым можно было без внутренних противоречий и нелепого контекста прочесть значительное количество надписей. При этом они использовали исследования Алисы Кюбер, показавшей в ряде статей, что одни и те же слова в минойских надписях встречаются с различным последним знаком в трех падежах и в двух родах. Так как число минойских знаков письма (их 88) заставляет считать эти знаки слоговыми, то, очевидно, последний знак каждого такого слова в разных падежах или родах представляет собой соединение одного и того же согласного с разными гласными: так, например, если бы мы написали слоговым письмом латинские слова *bo-ni*, *bo-no*, *bo-na*, *bo-nae*, то знаки для *ni*, *no*, *na*, *nae* были бы изображениями одного и того же согласного *n* с разными гласными. Большую помощь Вентрису и Чадвику оказали также знаки, изображающие приношения и людей (идеограммы), перемежающиеся со слоговыми знаками¹.

Что касается интересующих нас знаков, обозначающих чистые гласные (без согласных), то здесь Вентрис и Чадвик пошли по тому же пути, что и Георгиев, но применяют его последовательнее, руководясь тем, что «почти во всех языках при syllабическом написании наиболее часто встречающимися знаками являются знаки для гласных, не сопровождающихся согласными», они считают, что гласные обозначают те знаки, которые встречаются наиболее часто, тогда как у Георгиева для обозначения *i*, *o* и *u* взяты знаки, встречающиеся редко. Кстати, знаку, который, по мнению Георгиева, заимствован у минойцев финикийцами и которому он поэтому придает значение *a*, Вентрис и Чадвик придают значение *e*.

Если в области установления значения минойских слов Георгиев, по нашему мнению, стоит на пути, обещающем плодотворные результаты, то его выводы, касающиеся «минойской» грамматики, представляются мне произвольными и не вытекающими из разобранных им материала. Надписи, написанные минойским письмом, не делающим различия между глухими, звонкими и придыхательными звуками, не могут (как и кипрский; syllабарий) дать нам сведений о том, в каких случаях эти звуки произносились как глухие, в каких как звонкие, в каких как придыхательные, и утверждение Георгиева, будто в минойском языке действовал закон Гримма о передвижении согласных, совершенно произвольно. Точно так же, даже если принять расшифровку Георгиева как твердо установленный факт, остается произвольным и ничем не доказанным его утверждение, будто минойский язык знал только открытые слоги и, следовательно, согласные в конце слова в этом языке всегда отпадали. Ведь и кипрский syllабарий изображает слова греческого языка как состоящие из открытых слогов и, следовательно, всегда оканчивающиеся на гласную, однако мы знаем, что греческий язык, на котором написаны эти кипрские надписи, таким не был. Точно так же и в минойском языке изображение всех слов состоящими из открытых слогов может отражать только невозможность иначе выразить данными знаками все многообразие этого языка. Впрочем это утверждает незаметно для самого себя и сам Георгиев. См. стр. 83 разбираемой монографии: «Так как минойское слоговое письмо не способно выразить конечный консонант, послед-

¹ К статье Вентриса и Чадвика приложен (стр. 87) ряд очень интересных таблиц сохраняющих свое значение независимо от того, как мы будем читать знаки минойского письма. Это таблицы: 1) слов, отличающихся только последними знаками; 2) изменений по родам и числам; 3) изменений по падежам; 4) географических названий; 5) имен богов; 6) названий профессий; 7) глагольных форм. Решить, какая дешифровка правильна, можно будет лишь тогда, когда значительная часть всего материала будет расшифрована. Можно лишь пока указать, что Вентрисом и Чадвиком разобран много материала и что получаемые историко-культурные выводы очень интересны (разумеется, если они окажутся правильными).

ний обозначается слоговым знаком, в котором вокальный элемент не читается (обычно *ne* или *na*). . .», и далее стр. 91: «Так как минойское слоговое письмо не имеет возможности обозначить согласный в конце слова, то ν ἐφέληστικόν передано посредством знаков *ne* и *na*, в которых гласный не читается. . .». Так, по мнению Георгиева, в минойском языке существовали слова Κόδων, Αἰσαδικών, Γαχχῦ; на ν кончался gen. plur. и т. д. Поскольку Георгиев допускает, что искусственные приемы, принятые в кипрском силлабарии для обозначения скопления согласных и закрытых слогов (употребление слогового знака в значении буквы, с которой он начинается), имели уже место в минойском письме, он логически должен был допускать возможность существования закрытых слогов во всех словах, оканчивающихся в письме на *-e* (т. е. с последним знаком *-ne*, *-ge*, *-se* и т. д.), а также должен был бы во всех тех случаях, когда два следующих друг за другом слова имеют на письме одну и ту же гласную, допускать, что это — изображение одного лишь слога, т. е., например он должен был бы считать, что *alake* может транскрибировать Ἀλαχῦ, *amelosoke* — ἀμελός-κέ, *arirutasi* — Ἀρῦδασι, *patena* — πατνα, *eterane* — Ἐτταν, *kururana* — Κυρῦρα и т. п.

Как бы то ни было, дешифровка Георгиева не дает никаких оснований предполагать, что слова минойского языка состояли только из открытых слогов, и отпадает последнее основание считать минойский язык негреческим.

Однако нельзя не согласиться с Георгиевым, что минойское письмо, в котором существуют лишь обозначения для открытых слогов, могло быть первоначально придумано лишь для языка, слова которого состоят только из открытых слогов; следовательно, если дешифровка Георгиева правильна, то придется предположить, что это письмо было придумано догреческим населением для своего (как я полагаю, неиндоевропейского) языка, а затем было приспособлено для древнейшего греческого языка указанным выше способом, и что дошедшие до нас минойские письмена и представляют как раз памятники этого греческого языка.

Не совсем благополучный результат получается (и в области морфологии). Конечно, каждая в отдельности из предложенных автором форм возможна в том или ином древнем диалекте греческого языка и может быть лингвистически обоснована; возможен и случай, когда одна и та же морфологическая форма выражается двумя способами (ср. русское «чая» и «чаю», «прочтя», «прочитав» и «прочитавши» и т. д.), но реконструкция проф. Георгиева привела его все же к маловероятным результатам. Им. пад. ед. числа основ на *o* в его реконструкции может кончаться и на *-o*, и на *-a*, и на *-e* (стр. 85—86). В этом же склонении конечный звук *-o* (вернее нулевое окончание) оказывается признаком и именительного, и родительного, и дательного, и винительного падежей ед. числа и имен. падежа множ. числа (стр. 94), а в склонении основ на *-a* все решительно известные нам падежи (кроме дат. мн., образующегося при помощи послелога *-ra*) имеют конечным звуком *-a* (т. е. нулевое окончание, см. там же). Конечно, история языков знает немало случаев, когда окончания стираются по фонетическим причинам и различать параллельные формы по окончаниям становится невозможным (склонения во французском яз., болгарском яз., древнееврейском яз.), но в таких случаях морфологическую функцию окончаний берут на себя предлоги, приставки, артикли, огласовка гласных и т. д. Ничего подобного в восстановленном акад. Георгиевым языке не наблюдается.

Весьма странно также то, что причастие действ. залога наст. вр. от ἄχω (или ἄχῳ), ἄχοντjа, дает, как в классическом греческом языке, ἄχουσα (см. стр. 79—80), а такое же причастие от μέδω, μέδοντjа дает не μέδουσα, а μέδασα (стр. 95).

Несколько странны и непонятны предлагаемые автором толкования отдельных знаков. Например, на стр. 103: «Минойский знак представляет „the Minotaur seated“... В сущности он обозначает БЫК=мин.*ko=дор. βῶς... Следовательно (sic!) это только вариант знака... ko». Непонятно, почему минотавр это просто бык, — минотавр и бык это не одно и то же. Поскольку Μινόταυρος, несомненно, очень

древнее слово, не проще ли было бы читать этот знак, как *mi*? А если минотавр это бык, то бык-производитель, ταύρος, и, быть может, этому знаку надо придавать значимость *ta*?

Не могу я согласиться и с попыткой видеть в знаке (см. знак 11) изображение коровы. Идеограммы быка (см. табл. II, знак 12) и коровы (см. табл. II, знак 13) показывают, что критско-микенский рогатый скот имел длинные рога, с концами, отогнутыми вниз. Интересующее же нас изображение и вообще ничем не напоминает корову, а похоже на козла, как полагал и Эванс¹. В своей статье² я предполагаю, что значение этого знака — *tarakona*, и, следовательно, как буквенный знак он означал бы не *ko*, а, скажем, *ta*.

Очевидно (что впрочем признает и сам автор), его дешифровка, если она верна, нуждается еще в ряде улучшений. Быть может, в некоторых минойских приношениях богам имя дающего стоит в род. пад., а имя получающего в имен. пад., или даже оба имени в имен. пад.; может быть, поэтому Георгиев принимает иногда именительный падеж за дательный.

Особенно осторожным следует быть в оценке правильности дешифровок минойских надписей ввиду следующего обстоятельства. Упомянутые Вентрис и Чадвик читают минойские надписи как чисто греческие: находят в них ряд греческих корней и греческие морфологические формы в их древнейшем виде, — например, удвоение в перфекте, суффикс *-ten-* медиопассивного причастия (совсем, как Георгиев!) и т. д. И при их дешифровке в минойских надписях читаются имена известнейших греческих богов: Посейдона (они читают это имя не *Potitun*, как Георгиев, а *Posidao*), Потнии, Зевса, Геры, Диониса и даже «всех богов» (*pasi teois*). И у них слово, обозначенное знаками 14 и 15 (см. табл. II), означает «мальчик», а слово, обозначенное знаками 16—17 (см. табл. II), — «девочка». Только читают они эти слова не как *teko* и *teva*, а как *κόρφος* и *κόρφα*, что много проще. И у них слово, употребляющееся для подытоживания результата в конце инвентаря, — греческое. И они, как и Георгиев, убеждены, что эти результаты их расшифровки не могут быть простой случайностью, так как они, например, прочли на минойском памятнике такое длинное греческое слово, как *E-te-wo-ke-re-we-i-jo*, точно соответствующее, согласно постулированным ими принципам минойского письма, греческому Ἐτεφοκλέγειο (стр. 94).

Если бы все три исследователя придавали знакам минойского письма одинаковое значение, то этот результат служил бы очень сильным аргументом в пользу правильности дешифровки. Однако из 64 минойских знаков только пять читаются совершенно одинаково у Георгиева и Вентриса и еще шесть имеют сходное звучание (одинаковая согласная, разные гласные), а остальные читаются совершенно по-разному. Если, придавая совершенно различное значение знакам письма, разные ученые получают одинаковые смысловые результаты, то, очевидно материал настолько недостаточен и оказывает так мало сопротивления, что любая априорная предпосылка может быть получена обратно как окончательный результат.

Из всего сказанного ясно, что и после выхода в свет книг акад. Георгиева проблема дешифровки минойского письма представляется мне еще далеко не решенной. Однако нельзя не признать, что, какова бы ни была дальнейшая судьба дешифровок, исследования акад. Георгиева содержат ряд плодотворных мыслей и наблюдений и имеют в смысле последовательности некоторые преимущества перед подобной же попыткой Вентриса и Чадвика: акад. Георгиев широко использует кипрский силлабарий, не постулирует в минойском письме, подобно Вентрису и Чадвику, особых знаков для звонких и глухих звуков с одной и той же артикуляцией в полости рта (*da* наряду с *ta* и т. п.), не считает, что в минойском письме (в противоположность кипрскому) смешивались звуки *l* и *r*.

¹ A. Evans, The Palace of Minos, IV, fig. 696.

² ВДИ, 1947, № 4, стр. 83.

Если чтения акад. Георгиевым ряда знаков минойского письма и не будут приняты в науку, то, во всяком случае, его работа намечает пути, ведущие к раскрытию тайны минойского письма.

Проф. С. Я. Лурье

T. ZAWADZKIY, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu, Poznań, 1952, 80 стр. (Труды Исторической комиссии Познанского товарищества друзей науки, т. XVI, № 3).

Рецензируемая работа польского ученого Т. Завадского «Из проблем аграрно-социальной структуры малоазийских стран в эпоху эллинизма» представляет очень интересное исследование земельных отношений в Малой Азии — одной из важнейших проблем социальной истории эллинистического времени. Работа состоит из небольшого введения и двух разделов и снабжена резюме на английском языке.

Автор определяет эллинизм как «период взаимопроникновения социально-экономических форм, образовавшихся в странах эллинистического Востока, и форм, созданных греческим миром» (стр. 1).

Данное определение эллинизма не может полностью удовлетворить советского читателя, поскольку остается скрытым само содержание «взаимопроникающих социально-экономических форм», однако рассмотрение эллинизма, как явления в первую очередь социально-экономического, и подчеркивание активного участия восточных элементов в этом процессе представляются вполне правильными.

Очень интересен первый раздел работы, в котором автор исследует «Крупные домены как тип земельного владения, их структуру и систему администрации» (стр. 10—47). Автор, оспаривая точку зрения Ростовцева, сильно преувеличивающего размеры «царской земли» и вообще крупного землевладения, считает вместе со Свободой, Джонсом и Бикерманом, что система крупных доменов существовала только на небольшой части царской земли. По мнению Т. Завадского, эта система крупных доменов на царской земле восходит еще ко времени Ахеменидов, когда царь, оставаясь верховным собственником всей земли, даровал крупные земельные владения иранской знати в целях укрепления персидского господства в покоренной стране. Аналогичную политику вели затем и селевкидские правители. Как полагает Т. Завадский, это было обусловлено слабой организацией общей и экономической администрации в государственном аппарате Селевкидов, где самая мелкая административно-территориальная единица, гипархия¹, занимала несколько тысяч квадратных километров. К тому же, согласно исследованию Т. Завадского, в гипархии не было специальных чиновников по финансовым и экономическим делам, а единственное кадастровое учреждение для всех малоазийских сатрапий находилось в Сардах.

Селевкиды, как правило, не посягали на территории союзных греческих полисов в своей державе и ограничивались заменой прежних иранских владетелей греко-македонянами. В отличие от Ахеменидов Селевкиды проводили некоторые меры, направленные даже на усиление тех или иных полисов. Так, например, крупные домены, находившиеся на царской земле, дарились частным лицам на правах полной собственности, но при условии приписки к территории соседнего полиса (надписи Лаодики и Аристоклида). Все же этот тип дарений не был распространен; широкую практику приобрел тип дарений частным лицам только с правом условного владения; в этом случае домены оставались в пределах *χωρά βασιλική* и выплачивался *φόρος*, вносившийся в хилиархию.

На стр. 21—34 автор дает подробный анализ надписи Мнесимаха, к которой он возвращается неоднократно и во втором разделе. Очень остроумна и убедительна датировка Мнесимаховой надписи, которую автор относит к 211 г. до

¹ Завадский отвергает гипотезу Тарна о трехступенном административном делении в государстве Селевкидов.